

12 декабря 2002 г. ушел из жизни выдающийся наш современник – одареннейший врач, признанный ученый-кардиохирург и биокибернетик, самобытный писатель, философ, человек чести и совести Николай Михайлович Амосов. Вспоминать о нем, его врачебном и научном творчестве, литературном и публицистическом наследии каждый декабрь этого десятилетия – веление нашей памяти и долга.

Напомним читателям наиболее точный и броский заголовок некролога о Николае Михайловиче в популярном общественно-политическом еженедельнике «Зеркало недели»: «С его уходом совесть наша осиротела». Вспоминается начало очерка, где было сказано о внезапности этого горестного события, потрясшего общество. Ведь еще несколько дней назад, в преддверии дня рождения – 6 декабря – он увлеченно работал дома за компьютером над электронной версией своей новой книги «Мое мировоззрение». Своим близким и друзьям не без удовольствия говорил, что приурочил новое издание к своему 89-летию. И в этот же период, общаясь с теми, кто встречался с ним в преддверии знаменательного дня, вспоминал о прошедшем и пережитом, делился, хотя и скупно, впечатлениями далекого детства, прошедшего в годы Первой мировой войны в родной Вологодской области России. А затем и о перипетиях врачебной деятельности после окончания Архангельского мединститута.

В годы Великой Отечественной Николай Михайлович прошел путь суровой службы в качестве ведущего хирурга в военно-полевом госпитале.

Н.М. Амосов в годы войны

В 1950-е годы в столице Украины, где он был избран на одну из хирургических кафедр Медицинского института им. А.А. Богомольца, Амосов занимался не только преподаванием, но и развернул активную хирургическую деятельность на базе Института фтизиатрии, где нашел полную поддержку своим новаторским идеям. В последующем, после создания им клиники сердечной хирургии, Николай Михайлович возглавил ставший затем всемирно известным Институт сердечно-сосудистой хирургии. Именно благодаря своим работам в этом клиническом и научно-исследовательском институте он стал признанным в мире кардиохирургом, создателем научной школы, продолжающей сегодня развивать многолетний и бесценный опыт основателя. На его наследии воспитывались и учились выпускники-медики не только у нас, но и в крупнейших учебных заведениях мира, в том числе Сорбонне и Оксфорде.

Многогранная деятельность Амосова на поприще врачевания, медицинской науки и биокибернетики в сочетании с неповторимым литературным творчеством во многом способствовали повышению интеллектуального имиджа Украины в XX столетии. Мудрый врач и ученый ушел от нас, оставив после себя уникальное наследие. Его примечательный опыт и признанные в мире новации стали научным достоянием настоящего и будущего.

Вместе с ближайшими учениками и сотрудниками Николая Михайловича вспоминаем один из последних его дней рождения, знаменательных для друзей и почитателей, – 6 декабря 2001 года. Впереди еще целый год, насыщенный творческими свершениями, врачеванием, семейными радостями, общением с друзьями, учениками, сотрудниками.

Прохладное зимнее утро. Исхоженная за последние десятилетия улица, где все знакомо, спуск в Протасов яр. Здесь в клиниках и лабораториях Института сердечно-сосудистой хирургии, больше известного широкой публике как Институт Амосова, в привычных заботах начала трудового дня на этот раз доминирует атмосфера ожидания. Приятное настроение заметно не только у персонала, но и среди больных, как всегда, во всем освещенных. Этот день – день рождения создателя Института и его почетного директора. Уже слышны первые приветствия, сопровождаемые дружескими рукопожатиями, объятиями, вручением цветов. Но виновник торжества не склонен нарушать распорядок, кстат, им же самим установленный. Он присутствует на обязательной утренней конференции, где дежурные врачи сообщают о вчерашних операциях и проводится обсуждение предстоящих вмешательств, участвует в обходах больных. И только затем, уже в кабинете, принимает прибывших его поздравить, беседует с ними, обменивается новостями, делится впечатлениями. А в тот раз также вручал только что вышедшую в свет книгу – новое переработанное издание его мемуаров «Голоса времен».

Память и долг

Из дневниковых записей Николая Амосова

Книга представляет собой сокращенную для Интернета и заново отредактированную Николаем Михайловичем версию воспоминаний, изданных под тем же названием в г. Киеве (в «Оранта-Пресс»), а спустя год и в г. Москве («Вагрус»). На обложке – портрет улыбающегося автора, пронзительный взгляд которого за стеклами очков как бы устремлен на читателя. В редакторской аннотации к упомянутой книге сообщается, что автор этого мемуарного издания – академик Национальной академии наук Украины, Герой Социалистического Труда, лауреат Ленинской и трех государственных премий, известный многочисленными трудами в различных областях науки, а также литературными и публицистическими произведениями, опубликованными более чем на 30 языках. А далее следует обращение к читателю уже самого автора. Оно лаконично и по-амосовски откровенно и точно. Есть там и такие грустные слова: «Вроде бы есть еще силы, но уже знаешь: конец близок, будущего нет. Значительного дела не сделаешь. Остаются размышления и прошлое». В дневниках Н. Амосова его повествования о личном, о профессиональной деятельности, науке и творчестве, о бесконечных, порой мучительных раздумьях органично связаны с хронологией общественных событий и особенностями своего времени. Наиболее полно это нашло отражение в уникальном труде «Энциклопедия Амосова».

«Не скрою, – писал Николай Михайлович, – что был очень смущен, когда издательство «Сталкер» предложило мне написать книгу с таким претенциозным названием – «Энциклопедия Амосова». Не удержался – согласился заняться. Но не тщеславие было главным мотивом. Представился случай заново пересмотреть прежние идеи и по возможности привести их в соответствие с современным состоянием науки. Сделать примечание, не зачеркивая, однако, того, что писал раньше». А мы с вами, равнодушный читатель, получили счастливую возможность ознакомиться с результатом полувекковой творческой деятельности мудрого врача, ученого, гражданина, человека совести. В полной мере это относится к дневниковым записям, большинство которых приведено в третьем томе его четырехтомника художественных и публицистических трудов.

За каждой страницей дневника фигура врачевателя – хирурга и мыслителя. Многие страницы посвящены уже выполненным хирургическим операциям на сердце, со всеми подробностями и комментариями, а также тем, которые еще только продумываются, инженерным замыслом и их реализации (например, проект машины для параллельной диффузии, конструкция полушарового клапана). Теперь они будут достоянием специалистов.

Мысли хирурга, пропущенные через сердце, со всеми его заботами, сомнениями, вряд ли оставят кого-то равнодушным. Сделанные в разный период, охватываемый дневниковыми записями (1968-1970 гг.), они достаточно полно, на наш взгляд, отражают поиски, сомнения, размышления Н.М. Амосова в то время. Вот некоторые выдержки.

«Оперирую каждый день, четыре дня в неделю. Хорошо оперирую», – запись на одной из страниц дневника. И буквально на следующей странице: «Ошибки, множество ошибок. Два слабых места – инфекции и эмболии – вообще неизвестно откуда. Плохо, когда ничего не знаешь и лечишь вслепую. Впечатление, что ходишь по тонкому льду – в любой момент проломится».

«Посещало начальство. Показывал клинику. Ох, как у нас бедно. И строительство не идет. И неприятности: взятки и прочее. Воруют медикаменты, спекулируют. Как подумаешь обо всем, так бежал бы без оглядки. Я уже не чувствую в себе сил довести организацию до уровня».

«Окружающая социальная система не позволяет наладить материальное обеспечение и довести до необходимого уровня».

«Ужасная неделя, как будто судьба поставила себе цель – выжить меня из хирургии. Бросить бы хирургию – может быть, сделал бы что-нибудь в кибернетике. Если бы к клинике не был привязан прочно, бросил бы. Но это пустые рассуждения, наверное. Они повторяются в черные периоды уже лет 10, не меньше. И не все так мрачно в жизни».

«Все-таки операции – это здорово (оперирую каждый день)».

«Чувствую, что мог бы оперировать, как лучшие зарубежные хирурги – не меньше, не хуже. Это тоже одна из форм полноценной жизни, как творчество».

«Операции, по крайней мере, удовольствие доставляют. Много и хороших операций. Иначе бы не жилось».

«Когда больные не умирают (или «в пропорции»), то работа хирурга хорошая, все равно, как страшный фильм со счастливым концом. «Массаж чувства». А когда умирают – ужасно».

Знакомство с именами светлых умов составляет превосходное упражнение: оно оплодотворяет ум и изоощряет мысль.

Иоганн Гарднер

Записки Н.М. Амосова, врачевателя и хирурга, связаны с глубокими размышлениями о человеческом предназначении, максимальной реализации, о жизни, ее наполнении.

«По воспоминаниям, Марина Цветаева, замечательный поэт и глубокий мыслитель, однажды высказала мысль о том, что во второй половине жизни важен не успех, важно успеть. Все думаю, чем же заполнить остаток жизни? – записывает Николай Михайлович. – Клиника, больные, наука, врачи, хозяйство. Всем нужен и все – пустяки. И далее: идеи ждать нельзя. То, что выдал, – не реализовать, гипотезы в модели не превратить. Останутся фантазиями. А эвристические модели – это тоже еще не истина – нужны эксперименты».

На мир, значит, не повлиять. Пророком – не стать. А по мелочам удовлетворять свое тщеславие просто не хочется. Нет желания стать «среднезначимым». Во всяком случае желание не превышает лени перед усилиями для этого. Но и впереди как гора – труд. Чтобы взбираться, нужно много усилий. Стоит ли?

Апатия. Причины: нет стимулов. Лет осталось мало. И сил мало. И не знаешь, для чего.

Остается – просто так – делать ради делания. Однако из всех работ ради этого самая приятная – хирургия. Если еще хирургия пойдет плохо, то хоть ложись и подыхай. Значит, хватит мне средней славы хирурга. Операции, по крайней мере, удовольствие доставляют.

Все другие стороны жизни не балуют надеждами. Хирургия – единственная сфера, где я не чувствую себя должником: я делаю, отдаю, ничего не беру взамен».

Несколько дней отделяют эти размышления от других.

«Сегодня снова две операции – клапаны. А что еще остается? Такая безнадежность и тоска и далее: ослабевают стимулы жизни и деятельности: любопытство, тщеславие, самовыражение. Не очень себя утруждаю работой. Того и гляди, отвыкну от труда. Надо бы браться за дело. И не могу. Нет стимула. Остались только любовь к дочери и ответственность за семью. Но и они ослабевают со временем. Все это очень печально. Нужно снова окунуться в сумасшедшую хирургическую работу, не оставляющую ни времени, ни сил ни для чего другого».

И снова размышления Н. Амосова о том, чем заполнить остаток жизни, и о том, что хирургии для этого, кажется, будет маловато.

Труд, наука, искусство

Утром в один из понедельников Николай Михайлович записывает: «Два скучных выходных. Нет радости общения. Всякого. Отчуждение. В гости не хочется, рассуждения одни и те же. Без информации. Разве что выпивка подогревает – так и пить не хочется. Мешает работе... Отдых, скука. Работа – тяжесть. А где же радость? Маленькая отдушина – искусство. Потрясающий фильм видел вчера: «Кармен-сюита» с Плисецкой. До чего талантлива! И снова так захотелось написать что-нибудь отличное, за душу брало чтобы».

В последние годы жизни Н. Амосов не раз говорил, что с появлением в его жизни персонального компьютера у него возникли новые мысли, сформировались новые представления о человеке, о жизни и смерти, о Боге. Но... во времена дневниковых записей персонального компьютера еще не было. И на страницах дневника, и в других своих публикациях важным стимулом неизменно называет искусство. И, разумеется, труд. («Без него – кончать и все».)

«Нужно думать, писать. Иначе лень забьет науку, публицистику. Не будет тщеславия. Нужен тренированный мозг».

Хочу попробовать еще заняться наукой. Писать книги, создавать модели. Хотя бы на уровне алгоритмов. Нужно физиологию сдвинуть. (Книга по саморегуляции вышла хорошая.) Можно «алгоритмы сознания» написать – кто-нибудь создаст модели – за рубежом, если не у нас».

Оказалось интересным читать научные книги, художественные почему-то все менее интересно. Очень одинаково и без мысли. Лекции читать затеял. Жадность это, то ли тщеславие. Теперь напрягаться нужно. Университет, кибернетика – трудно. Но знаю, что и остановка – смерть – еще тоскливее».

Когда хочется и может – нет тоски. И наоборот, когда есть тоска, нет желаний. Но и это – с положительными связями – точно».

И снова вопрос, который постоянно возникает на страницах дневника: «Что делать?». В поисках ответа Н. Амосов размышляет: «Все боюсь продешевить остаток жизни». О самом главном: «Могу ли еще «повлиять»? Или только максимум удовольствия?».

«Медицина, – продолжает Амосов, – модель внутренней сферы и экспериментальная проверка. Не повлиять!»

Психологія — искусственный разум. Эффективно, но понятно только специалистам. На историю не повлияет. Нет уверенности, что можно получить доказательные размеры модели. Социология — оптимальное общество. Проект модели есть. Эвристически можно исследовать. Но — характеристики? Даже метода исследования еще нет. Писания — романы, например. Только не чувствую в себе таланта. А туда нужно массу вложить». И далее:

«Куда ни кинь, «повлиять» не смогу, — сетует Н. Амосов. — Годов много, а мир слишком сложен. И перенасыщен информацией. Отдельный человек уж очень маленький кусочек может вложить в общий котел. Еще убивает трудность распространения своих идей. Такой поток печатного слова, что не пробиться».

В связи с изменением статуса (избрание в Академию наук) у Николая Михайловича появились новые планы: перейти на основную работу в кибернетику. Он обсуждает возможную тематику исследований в Институте кибернетики: алгоритм сознания, искусственный разум, эксперименты с моделями общества (если удастся, крамолу нашли, — Н. Амосов пишет о сложностях, возникших в связи с выходом книги «Моделирование социальных систем»; напомним, эта запись относится к 1970 г.). Вспоминается также его острая принципиальная позиция на методологическом семинаре Института кибернетики, на котором присутствовал один из авторов работы, при обсуждении проблем и перспектив развития общества, в частности реализации идей коммунистического строительства в стране. И снова отмечает Николай Михайлович подспудную мысль: «Нет стимулов. После выборов в Академию наук, пожалуй, еще поубавилось. Пенсию заработал, все возможные для меня чины получил... Слава! Да, конечно, неплохо. Может, и хватит!».

И в то же время неизменный оптимизм Амосова: «Еще надеюсь раскататься. Это нужно для себя. Как физкультура. Чтобы не поглупеть преждевременно и вовсе не потерять интерес. Впрочем это уже писал не раз на страницах других публикаций».

В один из дней Н. Амосов записывает: «Прошла еще одна неделя — всякие непредвиденные осложнения и трагические смерти. Снова нет жизни в хирургии». И буквально на следующий день: «Хирургия явно неуправляема, хотя удовольствие дает». А несколькими днями позднее: «Отказываться от хирургии не могу — слишком шатка кибернетика — я привык к реальным результатам. Поэтому и хватаюсь за реальное, сегодняшнее дело — за хирургию. Результат — тут же, в делах. Полагаем, комментарии здесь излишни».

Проблемы старения

Размышления о старости в дневниковых записях возникают в связи с работой над «Записками из будущего». Они связаны с мыслями о «писании, писательстве». «Когда хочется писать, то первостепенный вопрос, который нужно решить, — идеи. Просто описывать людей и их животные дела я не смогу лучше других. Значит, нужно пропагандировать идеи». Размышляя о сюжете «Записок», Амосов наряду с анабиозом для Космоса, продления жизни, автоматической регуляцией жизненных функций, моделированием биологических объектов, управлением наследственностью, синтезом новых биологических структур человека, а также некоторыми морально-этическими проблемами медицины называет проблемы старости, старения.

Из его дневниковых записей следует, что проблема старения также связана с представлением о «балансе здоровья». Статистика должна показать, считает Николай Михайлович, от чего люди умирают и теряют трудоспособность.

В результате обсуждения этого явления формируется цельная последовательная концепция старения, которая сводится к тому, что оно определяется генетической программой. Эта концепция получила развитие в работах украинских геронтологов, представляющих научную школу академика В.В. Фролькиса.

При изложении своей концепции Н.М. Амосов задается следующим вопросом: запрограммировано ли в матрицах программ определенное количество репродукций или процесс их получения прекращается из-за износа и помех?

Радикальное предотвращение старения, видимо, невозможно, если матрицы действительно портятся.

Жизнь можно значительно продлить, если заниматься этим с молодости, даже с рождения.

Главная книга

Особое место в дневниковых записях занимают размышления о «писании, писательстве». С этими записями связываются мысли о «Главной книге», представления о Боге, сложности мира и месте в нем человека, о науке.

Н. Амосов так определяет цель «Главной книги»: «Изложить свою систему взглядов на все — свою философскую систему, объяснить существующее и сделать предположения на будущее. В то же время дать указание, что и как нужно доисследовать, чтобы получить истинное руководство к действию. Все надеюсь «синюю птицу» схватить — сделать открытие в плане философских идей».

Николай Михайлович считает, что «книги должны дать ответ на главный вопрос: «Для чего и как жить?». Наверное, замечает он, «чтобы быть счастливым (или хотя бы не быть несчастным)». И в то же время это должна быть книга об обществе, так как человек живет в нем. «Природа, человек, общество» — так примерно будет она называться.

После некоторых размышлений Н. Амосов приходит к выводу, что «Главная книга» не должна быть систематическим изложением взглядов по всем вопросам: материя, энергия, сложность, информация; системы, самоорганизация, регулирование; природа (или, может быть, жизнь), человек, общество, наука... Нужно начинать, считает он, с конца: какие проблемы, социальные и философские, предлагается решить, и от них перейти к естественным, выбрав только то, что к ним относится.

Представляет интерес, какие вопросы волнуют Н. Амосова, когда он размышляет о «Главной книге». Вот некоторые из тех, что содержатся в его дневниковых записях. Каким должен быть человек? В чем счастье? Как относиться к научно-техническому прогрессу?

Проблему человека как индивида невозможно отделить от общества, отмечает он. Отсюда вопрос о том, каким должно быть общество, обеспечивающее «производство» нового человека? Как его построить и как изменить людей, как жить? И еще один важный аспект: что есть истина? Н. Амосов развивает кибернетический взгляд (системы, информация, модели) на все вещи и науку.

Он также размышляет и о том, как ее написать («если скучно и научно, то никто не будет читать, а все-таки я пишу не только для себя, а хотя бы для «самиздата»), а также о требованиях к форме изложения («видимо, следует соединить два стиля — один для более широкой публики, другой — научный (петитом) для посвященных, где можно вдаваться в детали»). Еще одно замечание по поводу формы: «Примирить публицистическую манеру с научной. Хлесткие подзаголовки и четкие рубрикации».

В.В. Фролькис и Н.М. Амосов

В связи с социальными и философскими «проклятыми вопросами» в «Главной книге» предполагается рассмотреть различные типы идеологий социальных систем.

Развивая свою философскую систему, Н. Амосов выражает несогласие с утверждением Ф. Достоевского о том, что общество невозможно без признания бессмертия души. «Нет, возможно, — убежден Николай Михайлович. «Общественный договор» возможен и без Бога. Наука должна его дать и реализовать».

Оптимальное общество

К числу проблем, волновавших Н.М. Амосова как врача и ученого, относятся управление психикой и обществом. Подходы к постановке этих проблем — в статьях «Искусственный разум», «Разум глазами кибернетики», а также в некоторых других публикациях. Данные проблемы рассматриваются в дневниковых записях о «Главной книге» и «Записках о будущем».

Самое интересное, пишет Николай Михайлович, — управление психикой и обществом. Но это — табу «в предлагаемых обстоятельствах», как тонко заметил о работе в эти годы современник Николая Михайловича, известный историк театра А. Смелянский.

Реально ли искусственное управление психикой, размышляет Н. Амосов. Да, конечно. Например, в те годы, когда делались дневниковые записи, проблема алкоголизма была отнесена к одной из важнейших социальных в стране и получила огромное общественное звучание. Среди факторов, используемых для искусственного управления психикой, Николай Михайлович называет также употребление снотворных, транквилизаторов, наркотиков. Сюда же относит наличие излишнего свободного времени, сильное утомление и напряжение, отсутствие реальных тормозов, влияние моды. К противостоящим факторам — возможности государственного управления, веру в саму природу человека.

Размышляя о том, что человека будет стимулировать в будущем, Н.М. Амосов отмечает стремление уйти от действительности, жадности, везицизм, зависимость от влияния рекламы. Менее значимыми для него будут чувства чести, долга, проявление любопытства, творчество. Сегодня нужно отдать

должное глубоко пророческим оценкам, которые дал Николай Михайлович процессам, характеризующим жизнь современного общества и перспективы его развития.

Вот еще одна предсказательная запись в дневнике, сделанная им в те годы, — о встающих перед обществом проблемах эффективной обработки больших массивов информации, о создании человеко-машинных систем. Количество информации в мире, отмечает Амосов, быстро увеличивается и уже превышает возможности мозга. Это показывает неполноценность человека. Информации в мире — не просто множество, она объединена в систему, через нее мир составляет единое целое. Если головы недостаточно, то управлять невозможно или неоптимально. Нужно создавать сложные управляющие системы — с машинами, объединяющими людей. Действия лидеров скоро будут невозможны без машин.

Н.М. Амосов размышляет об обществе. Нужна новая модель человека и эксперимент, чтобы дать ей характеристики. Тогда можно будет говорить о реальных возможностях построения оптимального общества.

Исповедальное

«Для чего и как жить? Наверное, чтобы быть счастливым (любить несчастных)», — так доверительно поделился своими раздумьями на одной из страниц дневника Н.М. Амосов. Эта мысль — рефрен его записей. И не только дневниковых. Она присутствует во многих его публикациях, в частности в «Записках о будущем».

К этим размышлениям Амосов возвращается неоднократно. «Хочу роман написать», — делится он планами в одной из записей.

Николай Михайлович предлагает концепцию «Записок о будущем» в отличие от «Главной книги» приземлить, сосредоточиться на личных ощущениях. Не нужно в книгу, считает он, привносить специальную науку. Интерес к книге заключается не столько в информации, сколько в чувствах, которые она пробуждает. Но основные идеи должны быть. «Хочется писать, — читаем в другой записи по поводу романа, — хотя и понимаю, что вне времени и идей будет не то».

Продолжая размышления, Амосов записывает, какие открытия были сделаны за последнее столетие, — полет в космос, появление телевидения, электронные вычислительные машины, развитие атомной энергетики. Но изменилось ли общество? И да, и нет. Не очень, не радикально. Человек остался таким же. Поэтому остаются те же темы для размышлений — о дружбе, общении. Что это, задается вопросом Н. Амосов, привычка к людям, рефлекс самовыражения или врожденный рефлекс (стадность)?

В связи с развитием различных сюжетных линий романа рассматриваются возможные драматические коллизии в жизни героя, трудности, и окончательный выход для них — в любви, в работе.

Не могут не вызвать интерес размышления Николая Михайловича о природе творческого процесса. Писать — это красиво. Выражать чувства — красиво, чтобы генерировать их у других. Хочется, продолжает он, писать. Что это, тщеславие? Нет, убежден он, самовыражение. «Пишу записки для самовыражения, главным образом, и еще, — делает запись автор «Мыслей и сердца», — по инерции борьбы за место под солнцем, из тщеславия, жадности и других стимулов. Я пишу для того, чтобы осмыслить». Очень много накопилось вопросов, старых и новых, что такое человек, что такое общество? Амосов дорожит этой возможностью. Когда в журнале «Наука и жизнь» возникли сложности с публикацией «Записок о будущем», появилась такая дневниковая запись: «Видимо, нацело нет способностей. Так жалко расставаться с возможностью самовыражаться».

Последние дневниковые записи — размышления об упомянутой «Главной книге» (все надеюсь «синюю птицу» поймать и сделать открытие, касающееся философских идей) и о романе (как будто времени жалко на роман. Тут масса трудов, слова нужно подбирать. И еще — нет смелости, нельзя обнажать себя: общество, академик, семья...). Амосов пишет о своих поистине грандиозных научных планах: «Физиология в медицине», «Основы биокибернетики», «Достижения торакальной хирургии», «Алгоритмы сознания», «Модель общественной личности», «Модели внутренней сферы». Большинство этих планов практически реализованы в интеллектуальном наследии, значение которого для медицины, науки и философии XX века трудно переоценить.

Почти все дневниковые записи — это поиск Н.М. Амосовым ответа на вопросы: «Для чего и как жить?», постоянно волновавшие его. Он записывает: «Может ли быть стержнем поиск истины — и без конца... или — погоня за счастьем. И не догнал».

Снова исповедальное: «Да есть ли у меня что сказать? Не только ли и самовыражение? Тогда можно и помолчать. Нет, кажется, я могу кое-что сказать — об «истине», о «человеке» — как к этому подходить, об обществе, о вере, каким нужно воспитывать человека».

Вот таким встает со страниц дневника Николай Михайлович Амосов — великий врачеватель и замечательный мыслитель, чьи суждения уже при жизни стали уникальным интеллектуальным достоянием своего времени и являются духовным даром, нацеленным в будущее.